

3. Олехнович, Г. И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Г. И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.
4. Купрэева, А. П. Дапамога савецкага ўрада і працоўных брацкіх рэспублік у аднаўленні народнай гаспадаркі Беларусі (верасень 1943–1945) / А. П. Купрэева // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. – 1974. – № 2. – С. 13–21.
5. Сугако, Л. А. О значении советских эвакуационных мероприятий в Беларуси в годы Великой Отечественной войны / Л. А. Сугако // Романовские чтения–II : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 10–11 ноября 2005 г. / Мог. гос. ун-т ; редкол.: М. И. Вишневский [и др.]. – Могилев : МогГУ им. А. А. Кулешова, 2006. – С. 187–188.
6. Цумарева, Е. П. Роль женщины в возрождении и восстановлении народного хозяйства БССР. 1944–1964 / Е. П. Цумарева // Романовские чтения–VI (к 75-летию ист. фак-та УО «МГУ им. А. А. Кулешова») : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 24–25 нояб. 2009 г. / Мог. гос. ун-т; редкол.: И. А. Марзалюк [и др.]. – Могилев : МогГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – С. 186–187.
7. Корзенко, Г. В. Занятость инвалидов в Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период / Г. В. Корзенко, С. И. Новикова // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац удзельнікаў Міжнар. навук. канф., Магілёў, 25–26 чэрвеня 2015 г. / уклад. А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2015. – С. 261–268.
8. Марченко, И. Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР. 1943–1950 гг. / И. Е. Марченко. – Минск : «Наука и техника», 1977. – 247 с.
9. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 1.

УДК 94:338.1(476.2-37Комарин)«1944-1945»

С. И. Тыкун
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

О ВОССТАНОВЛЕНИИ КОМАРИНСКОГО РАЙОНА В ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

В данной статье рассматривается восстановление Комаринского района в первый год после освобождения от немецко-фашистских захватчиков на основании оригинальных архивных материалов. Район, достаточно оперативно справился с задачей налаживания жизни гражданского населения после немецкой оккупации, учитывая тот факт, что был разрушен на 66 %. Ключевыми проблемами в вопросе восстановления являлись: кадровый голод, полное разрушение инфраструктуры, наличие в районе значительного количества заминированных территорий и, в связи с этим, невозможность убирать тела погибших, что приводило к распространению болезней, а также борьба с нацистским наследием, в первую очередь в лице предателей, а именно согласившихся работать на оккупационную администрацию.

Изучение состояния той или иной деокупированной территории времен Великой Отечественной войны имеет важное политическое и идеологическое значение. В данном случае, рассмотрение восстановления первого освобожденного районного центра Беларуси, а именно Комарина произошедшее 23 сентября 1943 года, помогает показать, что оставили после себя оккупанты и каким трудом далось местным жителям и властям возрождение жизни на освобожденных территориях [1, с. 46]. Процесс восстановления хозяйства и борьба с нацистским наследием сразу после отступления захватчиков еще слабо освещен в историографии, однако имеется огромное документальное наследие, архивные материалы, которые позволяют оценить данную ситуацию.

До 18 февраля 1944 г. по решению секретаря Полесского обкома КП(б)Б П. А. Левицкого в освобожденных районах области происходил подсчет убытков и нанесенного ущерба немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и населению. Так было установлено, что за время оккупации: сожжено домов 3660 на сумму 18792547, надворных построек 4565 на сумму 18329057 руб., домашних вещей на сумму 8066990 руб. Угнано волов 869 шт., коней 2557 шт., коров 3812 шт., молодняка 4442 шт., овец 9242 шт., свиней 4832 шт. Увезено перед отступлением хлеба 352250 пудов, картофеля 1163983 пудов. Убито людей 1276 чел., угнано в Германию – 1790 чел. Таким образом сожжено и разрушено района на 66 %. Осталось в районе поголовья скота: волов 268 шт., коров 2329 шт., молодняка 311 шт., овец и коз 174 шт., свиней всех возрастов 416 шт. Из промышленности в районе ничего не осталось, а в результате задержания фронта в Верхне Жаровском, Кировском, Комаринском, Гденском, Ново Иолчанском, Капоранском сельских советах не осталось сена, яровых зерновых культур в результате чего, была затруднена засыпка семенных фондов [2, л. 7].

Район оказался в критическом положении и в данной ситуации, была необходимость разработки плана действий местных властей по налаживанию жизни в районе. Такой план в виде Постановления Бюро Комаринского РК КП(б)Б Полесской области появился 30 октября 1943 г. Главная проблема, которая поднималась в данном Постановлении, это проблема неуккомплектованности кадров. Решение представлялось следующее – райисполком, сельсоветы, хозяйственные организации следовало укомплектовать за счет проверенных семей, проявивших себя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, как коммунистами, так и беспартийными, выдвигать женщин на руководящие посты и провести учет учителей, медицинских работников, специалистов сельского хозяйства [3, л. 3–6].

Следующий вопрос, который рассматривали местные органы власти, это мобилизация населения на всемерное оказание помощи Красной армии, повышение революционной бдительности, через помощь органам НКВД и НКГБ. В свою очередь, у данных структур были и свои немаловажные задачи, кроме обеспечения порядка в освобожденных населенных пунктах (составление персональных списков населения, контроль за запретом на перемещение граждан из одного населенного пункта в другой или принятие кого-либо на ночлег без документов). Так, например, районный отдел НКГБ должен был создать истребительные группы численностью 8–15 человек и обеспечить их оружием. В задачи таких групп входило: ночное патрулирование населенных пунктов, охрана государственных учреждений и проверка, как жилых, так и нежилых помещений [3, л. 4]. Однако в связи участвовавшим количеством «бездельных стрельб» к осени 1944 года, на плечи комитета легла и обязанность проводить с членами истребительных групп еженедельные занятия по военной подготовке. Особое внимание силовых ведомств было направлено на решение вопроса разминирования территории района. Еще 26 ноября 1944 г. начальник Комаринского районного отдела НКВД старший лейтенант милиции Никандров в докладной записке в райком партии о смертях местного населения и скота в результате подрывов на минах отмечал большую заминированность в особенности болотистых участков района, в результате чего нет возможности убирать трупы. Начальник милиции приводил следующую статистику:

«По примерным данным остается заминировано Колыбанского с/с – 4–5 га
Пиркавского с/с – 16–19 га
Асаревичского с/с – 4–5 га
Круковского с/с – 5–6 га
Капоринского с/с – 6–8 га
Чикаловичского с/с – 6 га [2, л. 9].»

Но главной задачей органов государственной безопасности оставалось выявление предателей, людей, которые пошли на сговор с немцами. Такие люди были и в Комаринском районе. Одним из самых показательных примеров, остается Шмырев Василий Романович, которому полгода удавалось скрывать свою реальную судьбу во время войны.

Находясь уже в должности секретаря Комаринского районного комитета ЛКСМБ, он пытался скрыть свои преступления. Однако, благодаря деятельности сотрудников НКГБ была открыта правда – дезертир, человек которые помогал разминировать минные поля Красной Армии немцам, десятский немецкой администрации в деревне Голубовка, ответственный за отбор местной молодежи для отправки в Германию (однако нацистские хозяева, сами отправили его на работы в Германию из-за неимением достаточного количества людей, сбежал он и от них), а с весны 1943 года активный участник партизанского движения параллельно заставляющий жителей деревни Голубовка признать его подпольщиком [2, л. 3]. Деятельность органов государственной безопасности по выявлению подобного рода людей продолжалась еще долгие годы. На особом контроле находились военные офицеры, так согласно директиве Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР № ГУК/ ОМУ-2/ 469835 от 30 апреля 1944 г. все офицеры бывшие на оккупированной территории, в окружении или плену подвергались проверке и отправке в штрафные батальоны, предварительно пройдя специальные лагеря НКВД [2, л. 55].

Вместе с тем были и проблемный вопросы по линии деятельности силовых ведомств. Так, в архивах встречаются документы, которые раскрывают недостатки в деятельности Прокуратуры, Народного комиссариата внутренних дел и следственных органов. На пример, в апреле 1944 г. сотрудники милиции, конвоировавшие 12 осужденных из Мозыря, их отпустили, уже в октябре 1944 г. из-под стражи сбежали дезертиры; помощник прокурора выступал на одном из заседаний пьяный; или в 1944 г. все 365 жалоб граждан остались без внимания прокуратуры [4, л. 107]. Автор приводит в пример письмо, попавшее под цензуру советских властей, одного из родственников гражданина Хмеленка И.М. (д. Асаревичи, Асаревичский сельский совет) в котором поднимается вопрос безразличного отношения к просьбам, жалобам местного населения: «Вот дорогой братишка, когда ты прислал документ, чтобы была льгота, то как мать старая и нетрудоспособная, когда мы в с/совет обратились, то никакой помощи и льготы не дают, а еще смеются, которые небыли в Красной Армии, и были дома при немцах, немцам помогали, когда стала советская власть, то они залезли во власть и не хотят идти в армию, когда с какой-нибудь жалобой обращаешься они говорят «мы не виноваты, что за советскую власть воюет», о ,они только гуляют и красноармейские семьи обижают, когда пошла в район жаловаться, что не дают никакой помощи красноармейским семьям, толку мало, только берут себе... у нас в с/совете говорят так, кто дома был из мужчин тому помощь есть, а нам красноармейским семьям нет помощи, говорят, что хочешь то и делай...». Из данного письма понятно, что положение у местного населения в только освобожденном районе было тяжелое, если даже не критическое [2, л. 63].

Не менее важной задачей оставалась установление личности погибших бойцов Красной Армии и захоронение их в братских могилах с участием населения и почестями. На могилах приказывалось устанавливать ограды и памятники защитникам Родины. Иная судьба ждала умерших немецких солдат и офицеров, их тела требовалось собрать и закопать на месте свалов и скотомогильников, а могилы уже похороненных солдат и офицеров уничтожить и сравнять с землей [3, л. 4].

В условиях наличия большого количества заминированной территории и погибших человек, тела которых с данных территорий убрать представлялось невозможным, вставал вопрос о необходимости открытия амбулаторий, изоляторов, более активном принятии на работу медперсонала, проверка колодцев и обеспечение их охраной [3, л. 4]. Увеличение численности заболеваемости сыпным тифом в Колыбанском и Чикаловичском сельских советах к середине 1944 г. говорит о том, что понимание проблемы в рамках организации системы районного здравоохранения, не давало результата в условиях ограниченности материально-технической базы района и кадровом голоде (к ноябрю 1944 г. в районе имелось всего три врача, два фельдшера, что явно недостаточно для района и совершенно отсутствовал фармацевт). Оперативный ремонт бань и постройка дезкамер, не помогала в борьбе с чесоточными болезнями, что вызвало необходимость командирования представителей Райздравотдела в Чернигов и Чернобыль за серой [4, л. 11 об.].

Такой же тяжелой оставалась ситуация и в образовании Комаринского района после немецко-фашистской оккупации. К 1 ноября 1943 г., уже требовалось начать образовательный процесс в тех населенных пунктах, где имелись школьные помещения находящиеся на отдалении от передовой линии, провести учет детей школьного возраста, дети оставшиеся без попечения родителей, определялись на патронаж или в учреждения опеки, однако уже в документах датируемых августом 1944 г. мы видим неудовлетворительную оценку той работе, которая была проведена, из 39 довоенных школ, работало только 10, из 116 необходимых учителей, штат был укомплектован только 70 учителями. Отмечается нехватка белорусских и украинских учебников, а военным образованием занимаются люди, не имеющие никакого военного опыта. В ноябре 1944 г. ситуация несколько изменилась и можно говорить о функционировании уже 15 школ, с охватом 1298 учеников, к февралю 1945 г. было открыто дополнительно еще 6 школ, 2 из которых в землянках, действовало 11 изб читален, 6 красных уголков, 1 библиотека и 1 детский дом на 150 человек (всего «бездзорных детей» в районе насчитывалось 228 из которых: «30 было устроено в семьи, усыновлено 22 человека, 46 человек попало под опеку, 36 под патронаж, а 93 отправлены в детский дом»). Всю немецкую литературу, газеты, брошюры, листовки, портреты, лозунги и плакаты требовалось немедленно сжечь [5, л. 4 об.].

Говоря о промышленности, то после оккупации в районе ее совсем не осталось, как и основных сооружений сельского хозяйства. Но форсированная работа по восстановлению хозяйства дала свои результаты. К началу мая 1944 г. можно сказать о начале работы 3 паровых мельниц, 2 конных мельниц, 8 ветряных мельниц, 1 сапожной артели, 1 портняжной мастерской, 2 рыбацких артелей, 1 машинно-тракторной станции в составе 21 трактора 5 из которых были отданы в начале весны 1944 г. в Хойники (организованы курсы трактористов, где к марту 1944 г. занималось 30 человек, на курсах комбайнеров училось 20 человек, на курсах колхозных счетоводов – 25 человек), действовало 43 колхоза (в конце года уже все колхозы провели выборы правлений и ревизионные комиссии, трудовой коллектив был разбит на трудовые бригады, а трудовые бригады на звения), в колхозах имелось 265 волов, 446 лошадей и 975 телят, при этом в личном пользовании граждан находилось 2329 коров, 256 голов молодняка, 200 овец, 370 свиней. Сев выполнен на 71% [5, л. 4 об.]. Данная статистика показывает оперативность действий местных властей в вопросах восстановления разрушенного войной хозяйства, район в короткие сроки достиг значительных результатов, во многом благодаря шефской помощи Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики, которая взяла Комаринский район на поруки. Удмуртская АССР выделила 40 тракторов, 18 комбайнов, 10 культиваторов, 100 сеялок, 1000 голов крупного рогатого скота, сотни станков, инструментов и строительного оборудования (в дальнейшем при поступлении в БССР, часть данной техники делилась между районами) [2, л. 51]. Однако вместе с тем, «республиканская нагрузка», а именно необходимость оказывать помощь промышленным центрам, всем возможным, несколько затягивало сроки восстановления района. Так, существует телеграмма Председателя ЦК компартии БССР Пономаренко П.К. в котором он ставит вопрос о саботаже властей района по направлению заготовки леса и крепежа для восстановления шахт Донбасса, срыв данной деятельности воспринимается как удар по работе шахт, влияющий на обеспечения фронта топливом, из чего следует появление угрозы срыва воинских перевозок, что по трактовке Председателя ЦК партии является государственным преступлением [2, л. 96].

Таким образом, можно сделать вывод о значительной эффективности тех мер по восстановлению района, которые были приняты местными властями, в условиях ограниченности оказанной помощи и собственных средств. Больших результатов удалось добиться в обеспечении внутренней безопасности, держа во внимании продолжающиеся боевые действия на территории БССР.

Источники и литература

1. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга / Рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. У. П. Свентахоўскі. – Мн. : БелЭн, 2005. – 592 с.: іл.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 3609. Оп.1. Д. 5. Л. 3–96.
3. ГАООГО. – Ф. 3609. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–6.
4. ГАООГО. – Ф. 3609. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–107.
5. ГАООГО. – Ф. 3609. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

УДК 327(47:4)(091)

А. П. Сальков

Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМА ТРИЕСТА КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ (1948–1954 ГОДЫ)

После Триестинского кризиса мая 1945 г. проблема Триеста стала устойчивым фактором послевоенного мирного урегулирования. СССР, вынудив Югославию уйти из захваченного ею на 40 дней Триеста, предпринял на сессиях Совета министров иностранных дел и на Парижской мирной конференции масштабные усилия по возвращению района Триеста югославской стороне. Ввиду невозможности достичь этой цели, советская дипломатия повела борьбу за улучшенную линию югославско-итальянской границы, а затем согласилась с образованием Свободной территории Триест. В условиях нараставшего советско-югославского конфликта СССР утратил влияние на проблему. В 1954 г. СТТ была поделена между Югославией и Италией, которой отошел Триест.

Триестинский кризис (1 мая – 9 июня 1945) потряс союзников по антигитлеровской коалиции, стал первым предвестником холодной войны, превратился в сложный национально–территориальный конфликт в период послевоенного урегулирования. На II (Парижской) сессии Совета министров иностранных дел великих держав (СМИД) в июле 1946 г. было принято решение об образовании квазигосударства Свободная территория Триест (СТТ) [1, л. 3]. После многомесячной дискуссии СМИД принял «французскую линию» в качестве основы югославско-итальянской границы [2, s. 51–52]. На Парижской мирной конференции (29 июля – 15 октября 1946 г.) проблема Триеста обсуждалась в рамках проекта мирного договора с Италией. Советская делегация и ее союзники помешали невыгодному для Югославии расширению размеров СТТ. Однако были отклонены и попытки пересмотреть «французскую линию» ради присоединения к Югославии четырех секторов исторических словенских земель [3, л. 125–133] Министр иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселев внес предложение о «белорусской линии» с ее детальным топографическим описанием [4, л. 132–137]. Она походила между советской и французской линиями и открывала Словении выход к Адриатическому морю [5, с. 58–65].

Проект мирного договора с Италией 2 января 1947 г. обсуждался на заседании Кабинета министров Великобритании. Триест был выделен в протоколе в отдельный раздел, где отмечалось: его «нельзя отдать ни Италии, ни Югославии, не создав ирредентистского движения». При этом, конечно, учитывались и оценки кануна II сессии СМИД о необходимости своего «физического присутствия в Средиземном море». В противном случае «Россия придет на наше место, а со средиземноморскими странами – с точки зрения торговли, экономики и демократии – будет покончено» [6, с. 377, 486].